

«ПОЧЕМУ Я ДЕЛАЮ ЭТО?»

Я ЛЮБЛЮ делать это и считаю, что это дает массовое удовлетворение. Если я участвую в хэппенинге, то по крайней мере в последующие десять дней становлюсь много лучше. Моя личная точка зрения на хэппенинг — это один из видов групповой терапии.

В прессе уже довольно много писалось о хэппенингах — нелепых представлениях — «происшествиях», мода на которые началась в США несколько лет назад. Критики пытались отнести хэппенинги к какому-либо виду искусства, так как организаторы этих представлений громко заявляли о рождении нового вида массовой культуры. Но чаще всего критики ограничивались каламбурами, построенными на слове «происшествие» (буквальный перевод слова хэппенинг), как, например, «что произошло с происшествием?» и тому подобное, живописуя те нелепости, которые они видели собственными глазами. И вот, наконец, мы видим многие из уже знакомых картин на страницах уважаемого английского ежемесячника, посвященного изящным искусствам, — журнала «Студио». Это уже, как говорится, дело серьезное. Тем более, если учесть, что автор процитированных выше строк — известный американский искусствовед, сотрудник музея «Метрополитэн» в Нью-Йорке Генри Гельдцалер. Он отвечает на вопросы журнала по поводу хэппенингов и, как видим, является не только сторонником, но и прямым участником этого нового вида буржуазной «массовой» культуры. Отвечая на вопросы, он пытается перевести разговор в шутку, однако, будучи искусствоведом, вынужден дать кое-какие объяснения. Так, по его мнению, хэппенинг — это «в основе своей театр художников». «Художник, почувствовав, что он не может возвратиться к образу, не повторяя того, что уже было сделано до него, понимая, что поп-искусство не приносит удовлетворения, вдруг обнаруживает, что, если он не может изобразить человека, он может использовать этого человека».

Пожалуй, впервые за несколько лет существования «происшествий» так откровенно раскрыта суть этого занятия, в котором принимают участие корифеи «современного искусства», такие, как Роберт Раушенберг, Аллан Капроу, Клез Олденбург, Алекс Хей. Они действительно не стремятся изобразить человека, но и «используют» они его более чем странным образом. Достаточно привести один из последних примеров: хэппенинг, поставленный Джимом Дэйном. Два молодых человека в темных костюмах готовят себе закуски, пьют кока-колу и смотрят телевизор. Это один «акт». А всего их четыре. Второе действие — три девушки рассматривают содержимое своих сумочек. Третье действие — Джим Дэйн усаживается в кресло, он в кожаных сапогах, наподобие тех, какие носили сотрудники гестапо; рядом медицинские весы. Он старается всячески сосредоточиться: держится за голову, вскакивает, ходит. В стороне — мужчина в форме офицера сваривает стальную трубку. Вот и все.

«Роза» есть роза, есть роза, есть роза». Эту фразу как-то произнесла Гертруда Стайн, и долгие годы она была путеводным знаменем авангардистов двадцатых годов. Она ничего не выражала — эта фраза, — но казалась очень глубокомысленной. Об «искусстве» хэппенингов тоже много говорят на Западе, и оно тоже кажется кому-то очень глубокомысленным...

А. ИВАНОВА.